

УДК 94(47).047–083

DOI 10.26456/vthistory/2023.3.034–046

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ОСОБОГО СТАТУСА ЖЕНЩИНЫ В СТАРООБРЯДЧЕСТВЕ

В.В. Керов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации,
г. Москва, Россия

Статья посвящена выяснению и уточнению гендерного статуса и гендерных функций женщины в старой вере. Исследователи описали социальные факторы формирования такого статуса, однако остались неясными факторы конфессиональные, а также богословское обоснование этого статуса самими старообрядцами. Роль женщины в старой вере была связана с тем, что именно женщины выполняли образовательные функции (прежде всего в отношении религиозного образования); они контролировали исполнение религиозных норм в семье и подчас в общине; вели уставную службу вне храма. В итоге, в старообрядчестве женщина приобрела статус более высокий, чем в среде паствы синодальной церкви. В старой вере такой статус подвергся сакрализации, начатой протопопом Аввакумом и аргументированной старообрядцами самой сутью христианства.

Ключевые слова: Россия, XVII–XX в., история женщин, гендерный статус, старообрядчество, конфессиональные факторы.

В старообрядчестве женщина занимала место, отличное от её гендерного статуса в остальной части православного социума. С самого начала изучения старообрядчества исследователи писали о высоком статусе и значительной роли женщины в старообрядчестве, в том числе в распространении старой веры, общественно-религиозной жизни¹. Авторы даже из числа гонителей отмечали, что «женщина при движении раскола по его принципам идет рядом с мужчиной»².

В начале XX в. отдельные либеральные авторы развили этот тезис до абсурда, заявив, что уже в XVIII в. в «женских старообрядческих скитах... впервые поднят и выдвинут самой жизнью вопрос о равноправии женщины... и здесь она установила свои общественные и гражданские права»,

¹ Андреев В.В. Раскол и его значение в народной русской истории: исторический очерк. СПб., 1870. С. 251–253; Пругавин А.С. Раскол и сектанство в русской народной жизни. М., 1905. С. 87; и др.

² Смирнов П.С. Значение женщины в истории русского старообрядческого раскола // Христианское чтение. 1902. № 3. С. 330.

справедливо, впрочем, отмечая, что уже в тот период женщина «заняла почётное место как просветительница масс, как яркая сторонница традиций старины... выступая не просто в качестве помощницы, но нередко становясь самостоятельной энергичной руководительницей общественного дела наравне с мужчиной, и не только в мирских, но и церковных делах»³.

В современной литературе общим местом стало положение о том, что в старообрядческих семьях именно женщины выступали руководительницами религиозной жизни, они играли большую роль в жизни конфессиональной общины⁴. Об этом же пишут этнографы, делая заключение о том, что женщина в староверии «играла важную роль в сохранении и консервации его культуры»⁵. Эти выводы подтверждают новейшие исследования: «Женщина-старообрядка имела высокий статус, поскольку играла значительную роль в сохранении старой веры»⁶.

Зарубежные авторы также коснулись этой проблематики⁷.

В то же время права автор, сделавшая заключение о том, что высота статуса и самостоятельности женщины-старообрядки несколько преувеличена в литературе. Женщины-старообрядки в действительности были более зависимыми «и от мужчин-старообрядцев, и от социальных и юридических условий российского общества», чем это указано во многих работах⁸. Так, например, по данным современных историков, письма руководительниц Лексинской киновии к выговскому настоятелю наполнены «изъявлением полной покорности», киневоярх «совместно с соборными братьями определял правила внутренней жизни женского монастыря и контролировал его руководящий состав на всех уровнях»⁹.

Общим историографическим выводом, однако, представляется тезис того же автора о том, что женщина-старообрядка «могла отправлять важные функции и в религиозной, и в общественной сфере, что представлялось необычным для традиционного российского сознания»¹⁰.

³ Ясевич-Бородаевская В.И. Борьба за веру. Историко-бытовые очерки и обзор законодательства по старообрядчеству и сектантству в его последовательном развитии. СПб., 1912. С. 327.

⁴ См., напр.: *Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б.* Женщина в православии: церковное право и российская практика. Женщина в православии: церковное право и российская практика. М., 2011. С. 102–132.

⁵ *Данилко Е.С.* Старообрядчество на Южном Урале: очерки истории и традиционной культуры Уфа, 2002. С. 118.

⁶ *Тикас Ч.О.* Женщина в беспоповском старообрядческом сообществе во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам Санкт-Петербургской, Новгородской, Вологодской и Олонецкой губерний): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. С. 26.

⁷ См., напр.: *Paert I.* Old Believers, religious dissent and gender in Russia, 1760–1850. Manchester; New York, 2003.

⁸ *Тикас Ч.О.* Указ. соч. С. 26, 27.

⁹ См.: *Старицын А.Н.* Староверческие поселения в Поморье в конце XVII – начале XVIII в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2021.

¹⁰ *Тикас Ч.О.* Указ. соч. С. 26.

Важно, что, по мнению самих ревнителей древнего благочестия, «в старообрядчестве женщина получила преимущества» и, поэтому, «во многом её статус уравнивался с мужским»¹¹. Дело доходило до того, что, «предоставляя» женщинам право заниматься «мужским» делом, мужчины-старообрядцы в свою очередь не гнушались иногда «женскими» занятиями. Так, например, в середине XIX в. те из крестьян-старообрядцев Центральной России, кто не уходил зимой на промыслы, подчас пряли «вместе с женщинами и девками»¹².

Исследователи в целом описали социоконфессиональные факторы формирования гендерного статуса женщины в старообрядчестве, в том числе условия гонений на старую веру, проблему нехватки или отсутствия священства, однако не выявили собственно конфессиональные факторы, прежде всего связанные с религиозными представлениями и религиозными традициями. Следует также обобщить основные особенности конфессиональной роли женщины в старообрядчестве. Кроме того, важно, как сами старообрядцы обосновывали высокий статус женщины в сообществе, в том числе в богословском аспекте. Соответственно, объектом исследования является положение и функции женщин в старообрядческой общине. Предмет – конфессиональные факторы статуса женщин в старообрядчестве и его богословское обоснование.

В работе использованы принцип историзма и системный подход. В основе анализа лежит историко-гендерный подход, который в данном случае предполагает анализ «социально-исторических явлений с учетом фактора пола» и «гендерного взаимодействия», а также «изучение опосредованной отношениями полов социальной действительности, ее изменений» с учетом «гендерного опыта» конкретной исторической эпохи и региона¹³. Применены традиционные методы исторического исследования: историко-генетический, историко-сопоставительный и историко-типологический, а также функциональный метод системного анализа и историко-нарративный метод.

Статус женщины в старой вере реализовывался в целом ряде аспектов. Во-первых, в старообрядчестве возникла широкая образовательная сеть, уровень грамотности здесь был несколько выше, чем у соответствующих социальных групп из паствы синодальной церкви. А в самой старой вере «грамотнее был женский пол», в ряде местностей «число грамотных женщин относилось к числу грамотных мужчин даже как 9 к 1»¹⁴. И старообрядческая

¹¹ Кириллов И.А. Наш грех // Старая Русь. 1912. № 5. С. 79.

¹² Сеницын И.И. Отчет «О расколе в Ярославской губернии» // Сборник правительственных сведений о раскольниках / сост. В.[В.] Кельсиев. Лондон, 1864. Вып. 4. С. 166. См. о том же у современных староверов: Куприянова И.В. Старообрядческая семья: религиозно-культурная доминанта // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4(41). С. 327.

¹³ Пушкарева Н.Л. Гендерная проблематика в исторических науках // Введение в гендерные исследования. Харьков; СПб., 2001. Ч. I. С. 276, 303, 304 и др.; Её же. Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007. С. 160–235.

¹⁴ Смирнов П.С. Указ. соч. С. 332.

грамотность поддерживалась в значительной мере женщинами – в старой вере преподавание было их прерогативой. Центры обучения создавались, прежде всего в скитах, в особенности, в женских.

Вне обителей старообрядцы учились у старших в семье и у наставников, «наибольшей же частью... у девок келейниц, явных или тайных», которых полиция считала самыми «вредными сектаторами». Во всех согласиях такие учительницы, посвятившие себя изучению духовных книг и обучению детей, пользовались высоким авторитетом. В различных локальных группах разных согласий такие старообрядки именовались «книжницами», «богомолками», «наставницами», «духовными матерями», «мастерицами», «псаломщицами» и др. В середине XIX в. в Центральной России была распространенной практика, когда богатые предприниматели из староверов финансировали «тетенькины школы» с десятками учеников и, что важно, учениц¹⁵.

Не менее важен для повышения статуса женщины был тот факт, связанный с первым явлением, что женщины активно участвовали в духовной жизни, полемике и даже в уставной деятельности. Это признавали и гонители старой веры. В начале XVIII в. будущий митрополит Димитрий Ростовский писал о Ростовской епархии: «... почти в каждом городе изобретается особая вера; простые мужики и бабы (здесь и далее курсив наш. – В.К.) догматизируют и учат о вере». Миссионер официальной церкви, приехавший в Стародубье в 1723 г., с неодобрением (и очевидным преувеличением) отметил: «что двор, то учитель, а что баба, то типик». В первой половине XIX в. другой «борец с расколом» – Феофилакт Тверской повторял: у старообрядцев «что мужик – то вера, что баба – то устав»¹⁶. Сохранились полемические письма керженецких старообрядков, написавших иеромонаху стародубского Покровского монастыря, предложившего принимать священников и мирян от господствующей церкви без миропомазания. Руководительницы керженских скитов выступили категорически против «нового и раздорного

¹⁵ Кириллов И.А. Указ. соч. С. 80; Сеницын И.И. Записка [об экспедиции (1852) для статистического исследования народонаселения Ярославской губернии] // Сборник правительственных сведений о раскольниках. Вып. 4. С. 46, 47; Сеницын И.И. Отчет «О расколе в Ярославской губернии» // Там же. С. 166–167; Краткая записка о современном состоянии раскола в Повенецком уезде // Бурцев А.Е. Материалы для истории раскола из собрания А.Е. Бурцева. Б/м, б/г. С. 16 (третья пагинация); Стадников А.В. Московское старообрядчество и государственная конфессиональная политика XIX – начала XX в. М., 2002. С. 103 и др.; Пономарева Г. Русские староверы Эстонии. Тарту, 2006. С. 21; Пругавин А.С. Старообрядцы и образование // Старая Русь. 1912. № 2. С. 30; Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Киев, 1895. Вып. 1. С. 219, 234; Леонтьева С.И. Обучение грамоте в старообрядческой среде Ветковско-Стародубского региона // Старообрядчество как историко-культурный феномен. Гомель, 2003. С. 150–156; Волкова Т.Ф. К проблеме наставничества на Нижней Печоре (Феодосья Ефимовна Чупрова) // Мир старообрядчества. М.; Бородулино, 1996. Вып. 3: Книга, традиция. Культура. С. 161–172.

¹⁶ Цит. по: Соловьев С.М. Сочинения. М., 1997. Кн. VIII. С. 327; Лилеев М.И. Указ. соч. С. 280; Кельсиев В.[В.] Предисловие // Сборник правительственных сведений о раскольниках. 1860. Вып. 1. С. XV.

случая», приходящего «в противность правилам святых отец». Старообрядки ссылались также на «древле-отеческое предание», напоминали авторам «нововводства» о Страшном Суде и т. п.¹⁷. Отмечены и другие факты участия женщин в староверческой полемике¹⁸.

Кроме того, в условиях государственных репрессий против старообрядчества и, соответственно, высокой ценности личных усилий подвижников старой веры женщины активно участвовали в строительстве и развитии общин. Уже в период раннего старообрядчества в конце XVII в. женщины стали выступать в роли ситуативных лидеров, «при необходимости берущих на себя функции управления... в кризисных ситуациях, например, под воздействием апокалиптических проповедей или во время проведения сысков старообрядцев», проявляли «стойкость в вопросах вероисповедания»¹⁹. В начале XVIII в. в «Винограде российском» Семена Денисова и в «Истории Выговской пустыни» Ивана Филиппова в словах о лучших людях общечеловечества, в отличие от дониконовской традиции, значительное место заняли женщины, и не только «большухи над женщинами», но и простые сестры – старица Агрипина, вдова Евдокия Андреевна, другие старицы, вдовы и девицы.²⁰ В XVIII–XX вв. большое число женщин руководило моленными, «кельями» и пр., становилось духовными наставниками и руководителями общин, особенно скитских²¹.

Женщины в старообрядчестве в условиях нехватки священников могли быть исповедниками наравне с мужчинами. Так, в одном из списков Дьяконовых ответов начала XVIII в. говорится: «Не тоию же мужей, но и жен д[у]ховными матерьми писание именует»²². В Поморские ответах, созданном в 1723 г. главным апологетическом тексте ревнителей древнего бла-

¹⁷ См.: Письмо Керженское, ко отцу Михаилу (от женской обители) // Сборник для истории старообрядчества, издаваемый Н.[И.] Поповым. М., 1864. Т. 1. С. 224–227.

¹⁸ Архангелов С.А. Среди раскольников и сектантов Поволжья: историко-бытовые очерки раскола и сектантства в Нижегородском крае. СПб., 1900. С. 135.

¹⁹ Бородкин А.В. Женщины в раннем старообрядчестве (по материалам сыскных дел Вологодского и Пошехонского уездов) // Исторические, философские, политические, юридические науки, культурология и искусствоведение. Тамбов, 2011. № 5 (11). Ч. IV. С. 33.

²⁰ Денисов С. Виноград российский или описание пострадавших за древлеправославное благочестие М., 1906; Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. С. 117–478.

²¹ О старообрядческом женском иночестве см.: См.: А[рхимандрит] П[алладий (Пьянков)] Обзорение пермского раскола, так называемого «старообрядства». СПб., 1863. С. 9, 14, 15, 40 и др.; Синицын И.И. Из секретной записки о Раскольниках в Ярославской губернии в 1852 году // Сборник правительственных сведений о раскольниках. Вып. 2. 1861. С. 13; Варадинов Н.В. История Министерства Внутренних Дел. Соч. М., 1863. Кн. VIII: История распоряжений по расколу. С. 645 и др.; Смирнов П.С. Значение женщины в истории русского старообрядческого раскола. С. 328–333; Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б. Указ. соч. С. 102–132.

²² Цит. по: Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б. Указ. соч. С. 102

гочестия, высокоавторитетном для всех согласий, утверждалось право женщин крестить²³.

В Лексинском женском монастыре сами «Христова честнейшего ставодовждения» постницы наблюдали за чином церковных богослужений в соответствии с монастырским уставом. Выго-Лексинский киновиарх Семен Денисов прямо называл таких «доброревностейших» общежительниц «уставщицами»²⁴.

Позже, даже при наличии священника, женщины оказывали огромное влияние в вопросах веры и богослужения, вплоть до того, что в некоторых местностях они «останавливали, при отправлении треб, попа, если поп делал ошибку... вмешивались в чтение, если, по их мнению, поп пропускал что-либо при чтении»²⁵. Во многих старообрядческих согласиях, по свидетельству современников XIX в., женщина принимала деятельное участие в религиозной жизни, в том числе участвовала в богослужении, особенно часто в крещении. Старообрядки «по домам» читали Псалтырь («читали свечу»), Часы, вечерни, заутрени, вели «уставную службу»²⁶. В целом, старообрядческие общины «предоставляли женщинам возможности, которые [официально православное] общество не могло предложить»²⁷.

Впрочем, следует учитывать, что число старообрядок, «отправляющих религиозные функции» вне семьи, «было невелико», особенно у беспоповцев²⁸. Лишь в XX в. в условиях трансформации «традиции религиозного учительства» и утраты «былого уровня конфессиональной книжности», ситуация в беспоповских региональных общинах настолько изменилась, что женщины все больше «стали выполнять традиционно мужские обязанности в богослужении»²⁹.

Женщина в старообрядчестве, по мнению современников, «представляла элемент самый устойчивый»³⁰. Женщины-старообрядки «по начитанности в книгах и закоснелому упорству брали верх над мужчинами» и поэтому оказывали большое влияние на мужей, что признавалось самими

²³ Поморские ответы. Напечатаны с подлинника. [М., 1911]. С. 535.

²⁴ Денисов Семен Послание на Лексу // Юхименко Е.М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежителства: в 2 т. М., 2008. Т. 1. С. 164.

²⁵ Варадинов Н.В. Указ. соч. С. 463.

²⁶ Архангелов С.А. Указ. соч. С. 135; Мельников П.И. Очерки поповщины // Мельников П.И. Полн. собр. соч. СПб.; М., 1898. Т. 13. С. 372.

²⁷ Коровушкина И.П. Отношение к браку, супружеству, семейному статусу женщины у старообрядцев-беспоповцев Москвы и Петербурга (1750-е – 1850-е гг.) // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М., 1999. С. 223.

²⁸ См.: Тикас Ч.О. Указ. соч. С. 23.

²⁹ Об этой тенденции на примере Верхокамья см.: Смилянская Е.Б. Женское служение в старообрядческой общине конца XX в. (из наблюдения полевого археографа) // Одиссей: человек в истории. 2013. Женщина в религиозной общине: Запад/Восток. М.: Наука, 2014. С. 90–114.

³⁰ Смирнов П.С. Указ. соч. С. 332.

представителями власти³¹. По данным «статистических» антистарообрядческих экспедиций МВД, старая вера «поддерживалась преимущественно женщиной».³² По донесениям губернаторов середины XIX в., старообрядчество «свободнее и сильнее укореняется между женщинами»³³.

В старообрядческих семьях «вопросами веры» чаще заведовали именно женщины³⁴. По данным исследователя Печерских староверов, женщина ценилась мужчиной-старовером, «конечно, и как жена, и как хозяйка, но ещё и как знаток и хранительница староверства». Мужу, занятому хозяйственными делами, «и некогда и невозможно соблюдать и хранить в чистоте все обычаи и обряды», – пытался объяснить причины этого российский фольклорист и этнограф. Поэтому жена брала на себя «изучение и сохранение правил древнего благочиния», пела духовные стихи, читала Псалтырь, заучивала церковные службы и часто справляла их: пела на молебнах и панихидах (вела «чин отпевания по древнему обряду»), строго следила за соблюдением постов. Часто можно было услышать от усть-цылема на вопрос об обрядности: «”это бабы знают, у них спроси”. Духовная сторона жизни усть-цылема, следовательно, “бабье дело”»³⁵. Это было характерно не только для Поморья: во многих согласиях и регионах женщина почти всегда являлась руководительницей религиозной жизни семьи: «... она следит, чтобы дети ее молились “истово”, она внушает им раскольнические понятия и т. п.»³⁶.

К началу XX в. в старообрядчестве вообще, а особенно у поповцев, окончательно сложилась ситуация, когда женщине отводилось почти «равное место с мужчинами в общественно-приходской жизни». В 1905 г. в условиях всеобщей политизации женщины участвовали и в общественных собраниях староверов³⁷. На Всероссийском старообрядческом съезде 1905 г., впрочем, «после весьма продолжительного обмена мнений» собрание «большинством голосов» постановило «допускать на приходские собрания совершеннолетних женщин с правом голоса, но без права быть избираемыми в должностные лица»³⁸. Образовывались «женские комитеты» для помощи в обслуживании храмов, в ряде общин женщины избирались в члены совета

³¹ Варадинов Н.В. Указ. соч. С. 526.

³² Синицын И.И. Записка [об экспедиции (1852) для статистического исследования...]. С. 46, 49 и др.

³³ Варадинов Н.В. Указ. соч. С. 630.

³⁴ Там же. С. 463.

³⁵ Ончуков Н.Е. О расколе на Низовой Печоре // Живая старина. СПб., 1901. Вып. 3–4. С. 446–447.

³⁶ Архангелов С.А. Указ. соч. С. 135.

³⁷ Например, см.: Мельгунов С.П. Старообрядчество и освободительное движение. М., 1906. С. 5.

³⁸ Труды шестого Всероссийского съезда старообрядцев в Нижнем Новгороде 2–5 августа 1905 г. Нижний Новгород, 1905. С. 11, см. также с. 21.

(в частности, в московской Рогожской общине и в некоторых других), в старосты и казначеи³⁹. Важную роль играли женщины-старообрядки и в предпринимательской деятельности.

Исследователи объясняли социальную и конфессиональную активность женщин-старообрядок, их относительно высокий статус в сообществе единоверцев прежде всего условиями гонений со стороны государства и официальной церкви, нехваткой священства и его отсутствием в беспоповских согласиях и т. п. Однако ряд авторов предложил и собственно религиозные факторы.

Уже в начале XX в. историки обратили внимание на преемственность религиозных гендерных традиций, восходивших к языческой эпохе, когда «вещие жонки в древней Руси отличались великим могуществом». Даже «в пору утверждения христианства и долго потом русские женщины стояли на стороне язычества, ревниво хранили его вековые предания, сопротивлялись, хотя и пассивно, новой вере». Дело было в том, что женщина Древней Руси во все века неизменно была проникнута «настроением религиозного консерватизма: сначала она сохраняла старую русскую веру, когда на смену ее пришла новая греческая, а после “старый” русский обряд, когда на его место вводили греческие же “новшества”»⁴⁰.

Хотя древнерусское общество отнюдь не ограничивало деятельность женщин, церковная идеология «в целом неодобрительно относилась к женской активности»⁴¹. В старообрядчестве же эти ограничения были полностью сняты, в том числе благодаря отсутствию собственной иерархии в течение почти двух веков существования этой ветви русского православия.

Приверженность русских женщин твёрдой вере осознавалась уже одним из отцов-основателей старообрядчества протопопом Аввакумом. Обращаясь к боярыне Ф.П. Морозовой и княгине Е.П. Урусовой, протопоп восклицал, что они «женскую немощь отложише, мужскую мудрость восприявше, дьявола победиша и мучителей посрамиша». Аввакум поэтому фактически инициировал сакрализацию статуса женщин в старой вере, прямо признавая, кроме того, их право на духовное руководство единоверцами и их вдохновение: «Вы забрала церковные и стражи дома господня... Вы руководство заблуждшим в райские двери... всем вся бысте ко исправлению и утверждению во Христа Исуса»⁴².

Продолжили богословское обоснование высокого статуса женщины в старообрядчестве киновиархи Выго-Лексинского общежития С. Дени-

³⁹ Мельников Ф.Е. История древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул, 1999. С. 478; Кириллов И.А. Указ. соч. С. 80

⁴⁰ Смирнов С.[И.] «Бабы богомерзкие» // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете (5 декабря 1879 – 5 декабря 1909 года). М., 1909. Ч. 1. С. 219, 233, 243.

⁴¹ Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М., 1989. С. 69.

⁴² Житие Аввакума и другие его сочинения. М., 1991. С. 110.

сов в своём обращении к общежительницам подчеркивал, что их трудоподвизанию «пренаачальный Бог благоугождению возвеселится», а их «тщание и усердие исплетет» им «предражайшие и всекрасные небесные венцы»⁴³. При обосновании в Поморских ответах права женщин крестить их авторы во главе с Андреем и Семеном Денисовыми ссылались на жития св. равноапостольной Феклы, ученицы ап. Павла и св. Мариамны, сестры ап. Филиппа: «И такоже священницы крещаху, так и не священнии мужи и жены, в неприсутствие священников крещаху»⁴⁴.

На Выгу вообще относились к женщинам с большим пиететом («крепкие помощницы и заступницы Матери Божией», – обращался к насельницам экклесиарх, отец-основатель Выговского анклава Петр Прокопьев⁴⁵), как к руководительницам⁴⁶, так и к простым сестрам-постницам, которым, в частности, был посвящён известный духовный стих, исполнявшийся на тот же мажорный напев, что и тексты поздравительных псалм отцам общежительства: «Россия вся слухом веселится духом, / Зреть украшены соборы, драги в них приборы./Дев прекрасных лики, пение их, клики, / Всех не в мале привлекает, дух тем оживляет» и т. д.⁴⁷.

Старообрядцы начала XX в. связывали положение женщины в старой вере не только с русским православием, но с христианством вообще, которое «настолько возвысило женщину в обществе и государстве, что теперь даже трудно ясно и представить себе то униженное положение в котором её застала евангельская проповедь Христова учения». «Господь спаситель своим личным отношением к женщине, как сосуду Божию, носительнице Его образа, – вот как Он возвеличил её!»⁴⁸. Выдающийся старообрядческий деятель, начетчик Ф.Е. Мельников, также утверждал со ссылкой на послания Игнатия Богоносца и так называемые Летописи Барония, что статус женщины в старой вере связан с тем, что женщины «с апостольских времен почитались в Церкви как сотрудницы Божии»⁴⁹.

Действительно, другой старообрядец, попечитель одного из московских храмов, подчёркивал: «Кто первый пришёл на гроб Христа помазати Его после крестной смерти и погребения? Женщины. Кому первым Христос явился после воскресения? Женщине. Кого Бог удостоил быть первым провозвестником воскресения Христа? Женщин... Бог наградил женщину такими великими дарами, которые, конечно, не могут быть без особой благодати Божией»⁵⁰.

⁴³ Денисов Семен Послание на Лексу. С. 166.

⁴⁴ Поморские ответы. Напечатаны с подлинника. С. 535.

⁴⁵ Юхименко Е.М. Литературное наследия Выговского старообрядческого общежителства. Т. 1. С. 448–450.

⁴⁶ Там же. Т. 2. С. 148–152, 174–176, 428–429.

⁴⁷ Писания выговцев: Сочинения поморских старообрядцев... С. 345–349.

⁴⁸ Р.П. Женщина в христианстве // Церковь. Старообрядческий церковно-общественный журнал. 1911. № 19. С. 455–456.

⁴⁹ Мельников Ф.Е. Указ. соч. С. 478.

⁵⁰ Пантелеев А.А. К вопросу о пении женщин в храме // Церковь. Старообрядческий

Соответственно, по мнению староверов, именно женщины «явили наиболее яркий пример глубокой и бескорыстной преданности и любви к Спасителю. Не ожидая в будущем царствии Мессии для себя ни славы, ни сидения одесную Господа, они все время шли вслед Ему, служа своим именем и трудами»⁵¹.

Таким образом, гендерная роль женщины в старой вере выражалась в том, что именно стойкие в вере и конфессионально консервативные женщины выполняли образовательные функции (прежде всего, в отношении религиозного образования); они контролировали исполнение религиозных норм в семье и подчас в «обществе»; участвовали в богослужении вне храмов, а иногда и в храмах; в ряде общин на разных этапах развития старообрядческого сообщества регулировали ход службы и фактически исполняли функции начётчиков; являлись жертвовательницами и благотворителями. На ранних этапах некоторые женщины осуществляли организационные функции в общине. В результате, в старообрядчестве женщина имела статус более высокий, чем в среде паствы синодальной церкви.

В старой вере этот статус прошел процесс сакрализации, начатый ещё протопопом Аввакумом и аргументированный старообрядцами вплоть до начала XX в. самой сутью христианства.

Сакрализованный статус женщины, однако, распространялся далеко не на всех. Речь шла лишь о «достойных женах», старицах, черницах, благотворительницах и т. п. И в XIX, и в начале XX в. мужчины-старообрядцы в принципе осуждали в духовных стихах и «сатирах» тех женщин в старой вере, кто начинал одеваться в модные и «нескромные» платья или характеризовался «неправильным» поведением: «за обедней напереди женщины или девушки стоят, /На которых больше икон люди глядят, /Ибо у них груди почти совсем наруже, Но что сего Богу противнее и хуже?»⁵².

Однако к любой женщине относилось сформулированное самими староверами мнение о том, что «по своей отзывчивости, по своей чистоте сердечной и теплоте чувства религиозного она может стоять впереди холодного и рассудительного, более колеблющегося духом сомнения мужчины»⁵³.

Список литературы:

1. *Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б.* Женщина в православии: церковное право и российская практика. Женщина в православии: церковное право и российская практика. М.: Кучково поле, 2011. 702 с.
2. *Бородкин А.В.* Женщины в раннем старообрядчестве (по материалам сыскных дел Вологодского и Пошехонского уездов) // Исторические, философские, политические, юридические науки, культурология и искусствоведение. Тамбов, 2011. № 5 (11). Ч. IV. С. 31–33.

церковно-общественный журнал. 1911. № 19. С. 465.

⁵¹ Р.П. Женщина в христианстве. С. 456.

⁵² *Рождественский Т.С.* Памятники старообрядческой поэзии. М., 1909. С. 67, 69 и др.

⁵³ Р.П. Женщина в христианстве. С. 455

3. Волкова Т.Ф. К проблеме наставничества на Нижней Печоре (Феодосья Ефимовна Чупрова) // Мир старообрядчества. М.; Бородулино: Археогр. лаб. МГУ, 1996. Вып. 3: Книга, традиция, культура. С. 161–172.
4. Данилко Е.С. Старообрядчество на Южном Урале: очерки истории и традиционной культуры Уфа: Гилем, 2002. 218 с.
5. Коровушкина И.П. Отношение к браку, супружеству, семейному статусу женщины у старообрядцев-беспоповцев Москвы и Петербурга (1750-е – 1850-е гг.) // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М.: РОССПЭН, 1999. С. 217–242.
6. Куприянова И.В. Старообрядческая семья: религиозно-культурная доминанта // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4(41). С. 326–330.
7. Леонтьева С.И. Обучение грамоте в старообрядческой среде Ветковско-Стародубского региона // Старообрядчество как историко-культурный феномен: мат-лы Междунар. науч.-практич. конф. Гомель: УО ГГУ им. Ф. Скорины, 2003. С. 150–156.
8. Мельников Ф.Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1999. 557 с.
9. Пономарева Г. Русские староверы Эстонии. Тарту: Изд-е Общества развития и культуры староверов Эстонии, 2006. 176 с.
10. Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 286 с.
11. Пушкарева Н.Л. Гендерная проблематика в исторических науках // Введение в гендерные исследования. Харьков; СПб., 2001. Ч. 1.
12. Смилянская Е.Б. Женское служение в старообрядческой общине конца XX в. (из наблюдения полевого археографа) // Одиссей: человек в истории. 2013. Женщина в религиозной общине: Запад/Восток. М.: Наука, 2014. С. 90–114.
13. Стадников А.В. Московское старообрядчество и государственная конфессиональная политика XIX – начала XX в. М.: Изд-во объедин. «Мосгорархив», 2002. 256 с.
14. Paert I. Old Believers, religious dissent and gender in Russia, 1760–1850. Manchester; New York: Manchester univ. press, 2003. X, 257 p.

Об авторе:

КЕРОВ Валерий Всеволодович – доктор исторических наук, профессор, кафедра социальной и экономической истории России, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1), e-mail: vvkerov@gmail.com; ORCID 0000-0003-4853-1102

CONFESSIONAL FACTORS OF THE SPECIAL STATUS OF WOMEN IN THE OLD BELIEF

V.V. Kerov

Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Moscow, Russia

The article is devoted to clarifying and clarifying the gender status and functions of women in the Old Believe. The researchers generally described the social factors in the formation of such a status, but the confessional factors, as well as the theological justification of this status by the Old Believers themselves, remained unclear. The gender role of women in the Old Believe was related to the fact that it was women who performed educational functions (primarily in relation to religious education); they controlled the implementation of religious norms in the family and, sometimes, in the community; conducted statutory services outside the temple. As a result, in the Old Believers, a woman acquired a higher status than among the flock of the Synodal church. In the old faith, such a status went through the sacralization, begun by Archpriest Avvakum and argued by the Old Believers with the very essence of Christianity.

Keywords: *Russia, XVII–XX centuries, history of women, gender status, Old Believers, confessional factors.*

About the author:

KEROV Valeriy Vsevolodovich – Doctor of History, Professor, the Department of Social and Economic History of Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82 Vernadsky Ave., p. 1, Moscow, Russia, 119571), e-mail: vvkerov@gmail.com; ORCID 0000-0003-4853-1102

References:

- Belyakova E.V., Belyakova N.A., Emchenko E.B., *Zhenshhina v pravoslavii: cerkovnoe pravo i rossijskaya praktika*, M., Kuchkovo pole, 2011. – 702 s.
- Borodkin A.V., *Zhenshhiny v rannem staroobryadchestve (po materialam synykh del Vologodskogo i Poshexonskogo uezdov)*, Istoricheskie, filosofskie, politicheskie, yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie, Tambov, 2011, № 5(11), Ch. IV, S. 31–33.
- Volkova T.F., *K probleme nastavnichestva na Nizhnej Pechore (Feodos`ya Efimovna Chuprova)*, Mir staroobryadchestva, M., Borodulino, Arxeogr. lab. MGU, 1996, Vyp. 3, Kniga, tradiciya, kul`tura, S. 161–172.
- Danilko E.S., *Staroobryadchestvo na Yuzhnom Urale: ocherki istorii i traditsionnoj kul'tury*, Ufa, Gilem, 2002. – 218 s.
- Korovushkina I.P., *Otnoshenie k braku, supruzhestvu, semejnomu statusu zhenshhiny u staroobryadcev-bespopovcev Moskvy i Peterburga (1750-e –*

- 1850-е гг.), *Social'naya istoriya*. Ezhegodnik. 1998/1999, М., ROSSPEN, 1999, S. 217–242.
- Kupriyanova I.V., *Staroobryadcheskaya sem'ya: religiozno-kul'turnaya dominanta*, Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya, 2013, № 4(41), S. 326–330.
- Leont`eva S.I., *Obuchenie gramote v staroobryadcheskoj srede Vetkovsko-Starodubskogo regiona*, Staroobryadchestvo kak istoriko-kul'turnyj fenomen: mat-ly` Mezhdunar. nauch.-praktich. konf., Gomel', UO GGU im. F. Skoriny`, 2003, S. 150–156.
- Mel'nikov F.E., *Kratkaya istoriya drevlepravoslavnoj (staroobryadcheskoj) cerkvi*, Barnaul, Izd-vo BGPU, 1999. – 557 s.
- Ponomareva G., *Russkie starovery Estonii*, Tartu, Izd-e Obshhestva razvitiya i kul'tury` staroverov E`stonii, 2006. – 176 s.
- Pushkareva N.L., *Zhenshhiny Drevnej Rusi*, М, Mysl', 1989. – 286 s.
- Pushkareva N.L., *Gendernaya problematika v istoricheskikh naukah // Vvedenie v gendernye issledovaniya*, Khar'kov, SPb., 2001, Ch. 1.
- Smilyanskaya E.B. *Zhenskoe sluzhenie v staroobryadcheskoj obshchine konca XX v. (iz nablyudeniya polevogo arheografa)*, Odissej: chelovek v istorii. 2013. Zhenshchina v religioznoj obshchine: Zapad/Vostok, М., Nauka, 2014, S. 90–114.
- Stadnikov A.V., *Moskovskoe staroobryadchestvo i gosudarstvennaya konfessional'naya politika XIX – nachala XX v.*, М., Izd-vo ob`ed. «Mosgorarxiv», 2002. – 256 s.

Статья поступила в редакцию 25.07.2023 г.

Подписана в печать 15.11.2023 г.